

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/2017 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А.Н. Ермолаев, А.Ю. Петров** — Торговые отношения
Российско-американской компании с Китаем во вто-
рой половине XIX в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- С.Г. Белоус** — Тимофей Иванович Седельников 22

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- В.Н. Колотов** — Идеология Хо Ши Мина против француз-
ской стратегии молниеносной войны 39

СООБЩЕНИЯ

- В.В. Филатов** — Сельскохозяйственный налог на Урале
накануне массовой коллективизации 53

- А.В. Тихонова** — Свидетельства «русских швейцарцев» о
революционных событиях 1917 г. 70

- Е.Н. Марасинова** — Покаяние в России в XVIII в. 81

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

Покаяние в России в XVIII в.

Е.Н. Марасинова

Аннотация. Работа посвящена феномену использования властью религиозных практик и, прежде всего, покаяния для наказания мирян за те тяжкие преступления, которые никогда не находились под юрисдикцией церкви. Выводы автора основываются на широком круге опубликованных и архивных источников и, в частности, таком комплексе ранее не вводимых в научный оборот документов, как конфирмации Екатерины II на приговорах, вынесенных Сенатом за убийства. Вопросы, поднимаемые в публикации, позволят по-новому интерпретировать такие важные проблемы, как взаимоотношение власти и церкви, механизмы социального контроля, влияние личности монарха на политику правительства, соотнесение закона Божьего и закона государственного в сознании современников.

Ключевые слова: смертная казнь, покаяние, социальный контроль, секуляризация, закон, общественное сознание.

Abstract. This study focuses on the process by which the state actively came to rely on church practices, religious world-views and values in prosecuting grave felonies that were committed by lay people. The author's conclusions are based on a wide range of published and archival sources and, in particular, the collections of confirmations of Catherine II on the sentences handed down by the Senate for the murders. No study has been dedicated to this specific topic, even as it promises to help scholars reinterpret such important conceptual problems as the relationship between church and state; mechanisms of social control; the role of the monarch's personality in shaping government policy; and the compatibility, as contemporaries perceived it, between God's commandments and state law.

Key words: death penalty, repentance, social control, secularization, law, public consciousness.

Русский XVIII в. традиционно ассоциируется в исторической литературе с процессом секуляризации, под которым понимается сужение сферы идеологического, правового и экономического влияния церкви. В то же время многие исследователи отмечают усиливающуюся в этот период тенденцию сакрализации верховной власти, что не могло не привести к использованию догматов веры и религиозных практик

Марасинова Елена Нигметовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: LenaMarassinova@gmail.com.

Marasinova Elena N. — doctor of historical sciences, senior researcher at the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. E-mail: LenaMarassinova@gmail.com.

в новом социо-политическом контексте имперской России. В работе будет поставлена проблема, с которой власть пыталась справиться на протяжении всего столетия и особенно его второй половины: смягчение наказаний за тяжкие преступления, прежде всего убийства, и как следствие — необходимость совершенствования механизмов социального контроля за мотивацией и поведением подданных. В частности, речь пойдет о феномене непосредственного использования властью церковных обрядов для наказания преступников без санкции церкви.

Традиционно в русской православной церкви существовало как добровольное, восходящее к таинству исповеди, так и принудительное покаяние, практически отождествляемое с епитимьей. На основании Соборного Уложения 1649 г., «Выписки из деяний Собора 1667 года», «Новоуказных статей», а также «Инструкции» патриарха Андриана, в сфере жесткого духовного контроля находились, условно говоря, «гендерные связи» — «блудодаяние», «беззаконное прижитие ребенка», вступление четвертый раз в брак, пренебрежительное отношение к обряду венчания и т.п. Склонных к подобным вольностям отправляли в монастырь «под начал», то есть под строгий надзор наставника, обязывали «быть в трудах», посещать церковную службу и после каждой литургии класть по сто и более земных поклонов¹.

Неверные сведения по судным делам, данные с крестным целованием, также подлежали церковной юрисдикции. На протяжении всего периода покаяния полагалось по понедельникам, средам и пятницам есть один раз в день хлеб с укропом, а по вторникам и четвергам — два раза тот же хлеб с «варивом без масла». «Клянущемуся на криве» могли вообще урезать его лживый язык, чтобы «скверными речами именем Божиим не укорялся»².

По «правилам святых апостолов и святых отцов» судили беглых холопов, которые, чтобы не возвращаться в прежнее состояние, подстригались в монахи или более того — становились священниками³. Разумеется, преследовались попытки прикрыть свою социальную неблагонадежность монашеской рясой безо всякого пострига: таким была прямая дорога в монастырь, но только уже «на смирение»⁴. «Для исправления отсылали к патриарху» христиан, обращающихся в другую веру, в то время как своеобразных проповедников, успешно насаждающих свою религию среди православных, «сжигали огнем безо всякого милосердия»⁵.

Как известно, церковь могла карать за земные грехи и умерших, лишая их права на отпевание и погребение у храма. К несчастным, не обретающим покой и после кончины, относились не только «бесноватые», самоубийцы, казненные преступники и погибшие при разбое и воровстве. Безымянная могилка в лесу или поле была уготована утонувшим во время забав на воде, убившимся на качелях и умершим в результате опьянения⁶.

В целом именно этими преступлениями и ограничивался круг порочных деяний, за которые мирянину полагались церковные наказания в русском обществе, подошедшем к имперскому и синодальному периоду. По Соборному Уложению покаяние, отлучение от церкви или запрет на причастие святым тайнам выступали, как правило, самоценной карой и не являлись дополнением к телесным наказаниям, отсечению руки или заточению в тюрьму.

Отдельная 22-ая глава Уложения специально посвящалась подробному перечислению преступлений, за которые полагалась смертная казнь. В ней же содержались статьи о «винах, за какие смертию не казнить, а чинить наказание», сводящееся к разнообразным физическим мучениям. О том, что таким «поругателям и забывателям закона Христианского» нужно бы назначить покаяние, в Уложении не говорилось ни слова. Показательно, что еще до приговора Степана Разина к смертной казни Собор во главе с патриархом Иоасафом вынес свой вердикт об отлучении и проклятии «сего врага Божьего» за «поругание святой православной церкви и христианское кровопролитие»⁷.

В петровском законодательстве все с большей очевидностью проявлялась тенденция к сужению сферы правового контроля церкви и распространению имперской власти на те преступления, за которые, мирянам предусматривались, казалось бы, духовные наказания⁸. По высочайшей резолюции на докладные пункты Синода 1722 г.⁹, светский суд теперь рассматривал дела о «любодействе и блудодействе», о «разделе по заветам», об укрывательстве старообрядцев и даже постановочных ложных чудесах¹⁰. За Синодом оставалось лишь преследование богохульников, еретиков, раскольников, вступающих в «недоуменные браки», «совокупляющихся родственников» и т.д. Симптоматично, что в случае игнорирования духовного суда церковь должна была жаловаться в Сенат на греховодника, который после этого подлежал наказаниям «светским началом». Разумеется, над всей этой пирамидой — от судьи и епископа до Синода и Сената — возвышалась величественная фигура Петра Великого, вещавшего: «Ежели духовная персона или весь Синод во учиненной обиде нигде сатисфакции не получит — объявлять Мне»¹¹. Мог Великий император в случае необходимости пригрозить своим подданным и Страшным судом. Так, в 1717 г. он писал: «Господа Сенат, ежели несмотрительно будете делать, то пред Богом, а потом и здешнего суда не избежите»¹².

С «Воинского устава» покаяние начинает вообще рассматриваться как дополнительная карательная мера, налагаемая исключительно светскими властями без каких-либо ссылок на авторитет «правил святых апостолов и святых отцов». Каяться полагалось за идолопоклонство, чародейство¹³, заговор ружья, блуд между ближними свояками, лжесвидетельство, поминание имени Господнего в состоянии алкогольного опьянения, превышение необходимой самообороны, убийство по неосторожности, например, во время неумелого обращения с заряженным мушкетом в людном месте и т.д.¹⁴ При этом к церковному смирению с очистительной молитвой преступник приговаривался «купно», наравне с выплатой месячного жалованья в пользу госпиталя, «заключением в железа» или тюрьмой. Иногда факт покаяния мог свидетельствовать о замене смертной казни тяжкими телесными наказаниями, которые, видимо, должны были усугубляться еще и этой формой духовного смирения. Так в «Воинском артикуле» говорилось, что за «богохуление» вообще-то полагается смертная казнь, но если особых ругательств произнесено не было, да произошло все «единожды» и «по легкомыслию», то можно ограничиться шпицрутенами и «притом церковным покаянием»¹⁵.

Таким образом, Пётр расширил спектр преступлений мирян, которые карались церковным покаянием, лишив в то же время это на-

казание своей самоценности и сделав приговор по нему прерогативой «светских команд»¹⁶. Однако это дерзкое решение императора мало повлияло на судебную практику последующих десятилетий, так и оставшись на страницах «Воинского артикула». В отношении правления Анны Иоановны также можно говорить лишь о единичных случаях принуждения светским судом мирян к церковному покаянию, в частности, в связи с довольно прагматичным указом о беглых. В 1734 г. высочайше было объявлено, что всякого звания служилые люди, драгуны, солдаты, матросы, а также посадские и крестьяне, бежавшие за пределы России, получают «генеральное прощение» и приобщаются к числу «верных подданных». Лишь беглые, вышедшие из православной веры, обязаны были принести покаяние, а от прочих наказаний освобождались¹⁷.

Период царствования Елизаветы Петровны хотя и не был отмечен фактами «купного» наказания покаянием людей, не принадлежащих к клиру, по решению светских команд, однако оказал принципиальное влияние на уголовное законодательство и практику последующих правлений и, прежде всего, Екатерины II. Речь идет о двадцатилетнем моратории на смертную казнь, который был выдержан с 1741¹⁸ по 1761 г., несмотря на жалобы местных властей, вынужденных кормить помилованных преступников¹⁹, и «великое опасение»²⁰ Сената²¹. Указ о приостановке высшей меры наказания, снабженный расширенными толкованиями и восхвалением монаршего милосердия, публично объявлен не был. На места поступали лишь полусекретные, не предназначенные для «объявления во всеобщее известие» инструкции с требованием «осужденным смертной казни экзекуцию не чинить, экстракты присылать в Сенат и ждать указа»²². Разумеется, никаких инструкций не поступало, Сенат был завален списками колодников, тюрьмы и места заключения переполнены, а смертные приговоры выносились по-прежнему, но оставались лишь на бумаге.

Однако мораторий изменил социальный ландшафт страны и повлиял на общественное настроение. Еще несколько десятилетий назад не вынутые из петель тела повешенных и прибитые тут же жестяные листы с перечислением их преступлений в назидание прочим были обычной картиной. К концу правления Елизаветы Петровны в России выросло два поколения людей, не видевших эшафота²³, а у правящей элиты сформировалась привычка к тому, что публичные казни не являются главным условием поддержания порядка в обществе. Практическую приостановку смертной казни, предпринятую «нашей теткой Елизаветой», Екатерина оценила выше «самых блистательных завоеваний»²⁴. Однако указа о «невершении смертной казни» без санкции Сената императрица сразу не подтвердила, но и распоряжений о приведении в исполнение невынесенных в предшествующее правление приговоров не последовало. В то же время первая половина ее царствования была отмечена тремя громкими казнями, завершившимися отсечением головы, повешением, виселицей по жребию и четвертованием.

Сентенции по делу поручика Василия Мировича, виновников московского Чумного бунта 1771 г. и участников восстания Емельяна Пугачева 1773—1774 гг. свидетельствуют, что после двадцатилетнего моратория власть вынуждена была развернуто аргументировать

оправданность возобновления смертных казней. Характерно, что при этом использовалось христианское учение, преступники обвинялись в попрании не только государственных законов, но и закона Божьего, а благостный образ милосердной монархини изолировался от смертных приговоров. Через несколько недель после подавления бунта Пугачёва императрица потребовала предать происшедшее «забвению и глубокому молчанию», похоронить выставленные напоказ тела казнённых, а места казни «истребить». Весной 1775 г. был официально подтвержден указ Елизаветы Петровны, запрещающий смертную казнь без конфирмации Сената и императрицы.

Таким образом, практически лишившись возможности применения смертных экзекуций, карательные органы оказались перед очень незначительным выбором взысканий за тяжкие преступления и особенно убийства. Постепенно телесные наказания становились делом низших слоев, а преступники из привилегированного сословия обычно лишались своей принадлежности к высшей касте²⁵, чинов, возможности дальнейшей службы и всего имущества, которое по законодательству второй половины XVIII в. не конфисковалось, а отходило наследникам. Между тем, по донесениям местных канцелярий²⁶ рассматриваемый период отличался определенным увеличением общего числа убийств, особенно «пьяным делом и в беспамятстве», что, по всей видимости, опосредовано было связано с формированием единого хлебного рынка, доступностью «хлебной водки» и большими выгодами винокурения²⁷. В то же время помещики, получившие право суда над своими крестьянами, особенно жестоко обходились с пойманными беглецами и уличенными в воровстве, что иногда заканчивалось смертью крепостных. Может быть, неслучайно, что именно при Екатерине изменилась «семантика клеймения» и вместе с тем понимание самого страшного преступления и греха. Если во время правления Елизаветы Петровны осужденных на смертную казнь клеймили словом «ВОР»²⁸, то при Екатерине преступников иногда приговаривали к специальному позорящему обряду: «поставить на лбу под виселицею первую букву слова “убийца”»²⁹.

Все эти обстоятельства так или иначе повлияли на активизацию использования государством церковных практик и религиозных мировоззренческих ценностей для борьбы против тяжких преступлений в среде мирян³⁰ во второй половине XVIII века³¹. Неожиданное, на первый взгляд, для России века Просвещения и секуляризации использование авторитета веры и церковных обрядов, прежде всего, покаяния для борьбы с уголовными преступлениями светских людей, было обусловлено сложными социальными, идеологическими и духовными процессами, происходившими в русском обществе. Эта тема никогда не становилась объектом специального изучения, в то время как обращение к ней позволит по-новому интерпретировать такие важные проблемы, как взаимоотношение власти и церкви, механизмы социального контроля, влияние личности монарха на политику правительства, соотношение закона Божьего и закона государственного в сознании современников.

Высочайшие конфирмации смертных приговоров или приговоров, вынесенных по так называемым «смертным преступлениям», за которые полагалась максимальная санкция, свидетельствуют, что ини-

циатором распространения «наказания покаянием» была именно Екатерина II. Действительно, по утрам она не только писала послания Вольтеру и барону Гримму, но и выслушивала донесения о всевозможных преступлениях, а иногда и сама просматривала экстракты дел, в частности и тех, которые остались от правления Елизаветы Петровны. Для собственноручного монаршего утверждения поступали тысячи бумаг, которые учитывались в специальных «Журналах высочайшим подтверждениям, состоявшимся на докладах Сената и других мест и на разных представлениях и прошениях»³².

Мнения Сената иногда представлялись императрице с формулировками: «заслуживает натуральную смертную казнь», «надлежит по законам за преступление смертная казнь» или в отношении высшего сословия — «подлежит лишению дворянства, чинов и жизни». Однако Екатерине ни разу не пришлось смягчать подобные решения, поскольку даже на уровне нижнего земского суда за приговором к смертной экзекуции по Соборному уложению и Воинскому артикулу, как правило, сразу же приводились более поздние высочайшие указы, резко ограничивающие применение казни в России. Уникальность такого источника, как высочайшие подтверждения, заключается в том, что многие приговоры дополнялись самой императрицей «наказанием покаянием».

Одно из первых решений о наказании «купно» покаянием, принятых на высочайшем уровне во время правления Екатерины, было подписано всего через несколько недель после ее восшествия на престол. Следует заметить, что это судебное дело и приговор по нему, не вызвавшие никакого резонанса в середине XVIII в., сейчас могут стать впечатляющим опровержением низкой стоимости жизни крепостного в России. 7 августа 1762 г., по именному указу, в распоряжение Синода из военной конторы поступил вахмистр ямбургского драгунского полка дворянин Пётр Жуков. Он был разжалован в солдаты, но до отправки в действующую за границей армию, должен был в течение нескольких дней поклонами перед народом каяться в церкви Воскресения Никитского сорока на Бронной. Вина Жукова состояла в том, что у его человека Андрея Матвеева на груди образовалась «болезнь», которую вахмистр, привычный к лечению ран в походных условиях, попытался сам удалить ланцетом. Операция доморощенного хирурга оказалась неудачной, и, несмотря на все усилия Жукова, крестьянин умер. В приговоре было сказано: «Хотя то от Жукова без намерения к смертному убийству последовало, однако ж смерть оному крестьянину приключилась»³³. Об исполненном обряде покаяния теперь уже солдата Жукова иерей Андрей Афанасьев направил в Синод рапорт.

Характерно, что в 60—70 гг. XVIII столетия церковное покаяние присуждалось часто лишь на финальном этапе вынесения вердикта, то есть в высочайших подтверждениях³⁴. Но постепенно эта склонность императрицы³⁵ привлекать церковь к борьбе со смертными преступлениями была осознана Сенатом, а потом и низшими судебными инстанциями. К концу 70-х — началу 80-х гг. XVIII в., особенно после проведения губернской реформы и публикации Устава благочиния, покаяние все чаще появлялось в сентенциях уголовных палат и земских судов, выносимых по делам, за которые ранее подобная фор-

ма взыскания не полагалась³⁶. Постепенно таинство самообвинения грешника перед лицом Всевышнего окончательно превратилось в часть резолюций по тяжким преступлениям, выраженную формализованной строкой приговора. «Журналы высочайшим конфирмациям на докладах Сената и других мест» и «Реестры решенным делам по уголовной экспедиции» на протяжении десятилетий воспроизводили один и тот же юридический штамп в отношении осужденных представителей высшего сословия: «Держав целую неделю на хлебе и воде, предать церковному покаянию; а потом по лишении чинов и дворянского достоинства сослать на поселение»³⁷.

Во время правления императрицы покаяние «сверх и купо» налагалось в соответствии с представлениями о самом страшном деянии и грехе, то есть за убийство, вне зависимости от его мотивов. Не только нести наказания по государственным законам, но и вымаливать прощение у Всевышнего должны были преступники, лишившие другого человека жизни как умышленно, так и невольно, «пьяным делом и в беспамятстве». Если по Соборному Уложению 1649 г., убийство «пьяным делом» считалось смягчающим обстоятельством³⁸, то в начале XVIII столетия уже сложно было рассчитывать на снисхождение за уголовные проступки «в шумстве». «Когда кто пьян напьется, — сказано в «Воинском артикуле» и «Морском уставе», — и в пьянстве своем что злого учинит, [яко смертное убийство и сему подобное], тогда тот не токмо, чтоб в том извинением прощение получил, но по вине вящею жестокостью наказан имеет быть»³⁹. Во время правления Екатерины II убийство в драке, пьянстве и «воспалении гнева» также признавалось умышленным, о чем свидетельствуют и многочисленные сентенции, и высочайшие конфирмации: «Хотя он точного умыслу к убийству не имел, а учинил оное от пьянства, но пьянство, сопряженное с таковым злом извинить его не может»⁴⁰.

Сибирь, тягло и покаяние ожидали прапорщика, зарезавшего своего дворового человека; титулярного советника, избившего батогами другого титулярного советника в его собственном доме; недоросля из дворян, убившего купца; отставного поручика, засекшего крепостную; отставного прапорщика, убившего священника; отставного секунд-майора, заколовшего своего шурина; подпоручика и секретаря Мышкинского уездного суда, избивших старосту вотчины княгини Волконской, который «в третий день умер»⁴¹, и т.д. С.М. Соловьёв также приводит многочисленные примеры приговоров к церковному покаянию, вынесенных на основании высочайших конфирмаций. Объясняя столь широкое использование религиозных практик в уголовных делах, историк делает вполне резонный вывод: «Екатерина при своем основном стремлении действовать против безнравственных явлений средствами нравственными, а не жестокостью наказаний, обращалась за помощью к церкви»⁴².

В некоторых приговорах, усугублявших наказание осужденным на церковное покаяние, оправданность подобной меры аргументировалась. Но если в царствование Елизаветы шли общие рассуждения о последнем праве преступника позаботиться о своей душе перед казнью и «просить Бога умиловаться», то во время правления Екатерины речь шла об «очистке совести» и исправлении в этой земной жизни. Так, например, считалось, что от кнута последует только

«скорбь», а покаяние принесет «сердечное восчувствование злодеяния» и «превращение в полезного члена общества»⁴³.

При этом, если выносимые приговоры и определялись статусом убийцы, то, как правило, не зависели от социального положения жертвы. Подобный вывод может показаться неожиданным для устоявшихся представлений о крепостнической России второй половины XVIII в., но за отнятую жизнь соседа-помещика, священника, канцелярского копииста и беглого крестьянина, умершего даже через три дня после побоев, дворянина ожидали примерно одинаковые наказания, усугубляемые принудительным покаянием. Так прагматичная забота государства о своих главных налогоплательщиках, крестьянах, оказывалась в одном социальном контексте с христианским учением о равенстве всех перед Богом и заповедью «не убий».

Разумеется, в крепостнической России второй половины XVIII в. нельзя отрицать высокой степени личной зависимости крепостного и низкой стоимости его «подлой души»: частновладельческих крестьян можно было сослать на каторгу, продать в рекруты, нещадно наказывать плетью, но их категорически нельзя было убивать⁴⁴. Во всяком случае, после смерти своей удавалось им заявить громко о своем существовании, (иногда «пожить шумно, как бы в награду за не примененную никем жизнь»⁴⁵), попасть в экстракты уголовных дел и в каком-то смысле сравняться с убиенными «из благородных».

В 1762 г., еще во время краткого правления Петра III, в Воронежской губернии умер Филин Тихонов, крепостной поручика Василия Нестерова. Весьма вероятно, Тихонов не был работающим и покорным мужиком, «творил непотребства, кражи и побег». Не оставался в долгу по отношению к таким крестьянам и Нестеров. После поимки Тихонова поручик, напившись, бил его, жег его огнем, а потом посадил на ночь в погреб, где утром обнаружили труп. Испугавшись и, видимо, мгновенно протрезвев, Нестеров решил умолчать о смерти крепостного, в канцелярию не донес, а тело несчастного тайно зарыл «на гумне в землю». Но преступление было раскрыто, поручика взяли под стражу, и тут в Юстиц-коллегии выяснилось, что «если крестьяне от помещиков своих сверх обыкновенного их наказания помрут, за то что с помещиков чинить — таковых точных указов нет». Сенат рассмотрел дело, оставив без внимания доношение поручика о том, что якобы покойный Тихонов грабил его, пытался зарезать ножом, а потом сам принял отраву. Василия Нестерова сослали навечно в Нерчинск, а имение конфисковали в пользу наследников⁴⁶.

Наказание, определенное дворянину за смерть крепостного, оказалось таким же, какое последовало бы за убийство представителя любой другой социальной страты. Эта сентенция стала судебным прецедентом и в дальнейшем повлияла на приговоры душевладельцам, которые над людьми своими совершают «убийства и необыкновенные тиранские мучения».

Именно страх перед наказанием заставлял помещиков, утративших и совесть, и элементарный разум, о чем Екатерина писала Дидро⁴⁷, уничтожать следы своих преступлений. Случай с поручиком Нестеровым, который пытался скрыть тело убитого им крестьянина, был далеко не единственным. В 1782 г. новгородский и тверской генерал-губернатор граф Яков Брюс докладывал Сенату о следующем проис-

шествии в селе Валухине Ваксаловской волости. Некий поручик Савин, которому староста прямо в дом доставил из бегов женку Марфу Самсонову, позвал к себе в горницу своих людей Матвея Яковлева, Ивана Иванова, Никиту Федосеева и Ксенофонта Григорьева с кнутами. Женку вывели на крыльцо, раздели донага, высекли немилосердно, а потом оттащили в людскую избу и положили на лавку. Вскоре она умерла, а ближе к ночи тело исчезло. Однако дворовый человек Ульян Максимов не смолчал и рассказал крестьянам, что он вместе со старостой по приказу барина отнес мертвое тело в поварню, а потом зарыл в землю под мостом. На следующий день те же самые мужики, которые избивали Марфу Самсонову, отправились к дворянскому заседателю прапорщику Николаю Никонову и все ему рассказали⁴⁸. Тело эксгумировали, убийство было раскрыто, и поручика Савина предали суду⁴⁹. К сожалению, в этом деле не приводится собственно текст доклада графа Брюса, но искренне и эмоционально написанный рапорт тамбовского и рязанского генерал-губернатора М.Ф. Каменского по поводу сходного преступления сохранился.

В деревне Никитиной Кадомской округи прапорщица княгиня Матрёна Тугушева жестоко наказала дворовую девку Матрёну Харитонову за побег, и та после побоев умерла. Осознав содеянное, прапорщица бросилась за помощью к матери Анне Лопатиной и та направила своего дворового человека Григория Петрова, приказав ему тело расчленить, уложить останки в сундук, а сундук зарыть. Но крепостные Тугушевой Фёкла Иванова, Степанида Кондратьева и Василиса Епифанова решили зверства барыни не покрывать и сообщили об убийстве. Каменский назвал преступление Тугушевой «смертоубийством, сопряженным с варварством», и потребовал оставить дворового человека безо всякого наказания, «потому что он исполнял волю помещицы своей, а по нынешнему положению слуг, противу господ их ни один слуга отказать не осмелится». Доносительниц же необходимо было, по мнению генерал-губернатора, «освободить от рабства, приказав им избрать какой род жизни сами пожелают, для ободрения в таковых несчастных случаях (от которых, Боже, впредь сохрани все общество!) слуг к признанию перед судом»⁵⁰.

Таким образом, в России второй половины XVIII в. для детального выяснения обстоятельств гибели крестьян по вине помещиков создавались специальные следственные комиссии, а в случае необходимости вызывались патологоанатомы и проводилась эксгумация тел. Вводя неотвратимость одинаковой меры наказания дворянина за любое убийство, власть сама невольно задавала внесловный стандарт отношения к человеческой жизни. Ни в одном экстракте не встречалось даже намека на возможность смягчения приговора лишь на том основании, что убитый был крепостным крестьянином. Напротив, заключительная сентенция как правило предполагала «наказание покаянием» и приобретала иногда пафосную, почти проповедническую стилистику: «дабы кровь убитого отмстить и не оставалась она без возмездия»⁵¹.

«Наказание купно и сверх церковным покаянием» во второй половине правления Екатерины II стало распространенной практикой с отработанной процедурой. В частности, по делам дворян решение принимал земский суд, уголовная палата, юстиц-коллегия, Сенат или

сама императрица, во власти которых находился и выбор формы духовного взыскания. «Светские команды» передавали преступника с указанием обстоятельств дела в духовное правление, обычно в местную консисторию, и уже оттуда он направлялся либо в свой дом на поруки духовнику в приходскую церковь⁵², либо в монастырь при открытой подорожной с определением пропитания и надежного присмотра.

Русские монастыри издавна служили не только способом уединения от мирской суеты, но и местом заключения. Крупным хозяйствам с большими угодьями, жестким внутренним распорядком и наглухо замкнутым пространством за высокими стенами не так сложно было совмещать карательные функции тюрьмы и исправительную миссию духовного надзора. После секуляризации церковных земель в 1764 г., а также передачи в ведение Коллегии экономии двух миллионов монастырских крестьян «присмотр, пропитание, потребное число покоев и попечение об исправлении»⁵³ прибывающих на покаяние колодников превратилось в тяжкую обязанность для духовного ведомства. А если еще учесть негласный мораторий на смертную казнь, исключая особые, уже упомянутые случаи и практическое введение обязательного духовного наказания за «смертные преступления»⁵⁴, то станет ясно, почему из монастырей, епархий, консисторий и, наконец, из Синода шли рапорты с просьбами об облегчении бремени в Сенат и на имя императрицы⁵⁵.

Вердикт для священнослужителей был неутешительным. По поводу охраны убийц и грабителей приказано было обходиться собственными силами, тем более, что преступников, наказанных покаянием, по мнению властей, было не так много, да и распределялись они по монастырям «безобидно для каждой епархии»⁵⁶. Кстати, место отбывания церковного наказания также определялось светским судом иногда с общей формулировкой «отдаленный монастырь», «монастырь в Сибири», иногда с точным указанием места покаяния.

Пропитание всех пребывающих «разного звания людей за разные преступления для исправления церковною епитимьей» возлагалось до указа о секуляризации на монастырский кошт, что вполне устраивало «светские команды». Однако после 1764 г. обнищавшие монастыри постоянно сетовали на отсутствие средств для содержания колодников, несмотря на то, что теперь деньги на них должна была выделять Коллегия экономии. В конце концов, в 1770 г. был достигнут компромисс — обеспеченным преступникам, отбывающим церковное наказание, полагалось самим позаботиться о своем пропитании, а на «кающихся без достатка» Коллегия выделяла по 2 коп. в день⁵⁷.

Власть старалась строго контролировать пребывание преступников в монастырях. Как минимум дважды в год в Синод и в Экономическую коллегию, а затем и в Сенат из епархий должны были поступать сведения — когда, за что и на какое время была наложена на осужденного епитимья, сколько полагается ему, исходя из «торговой в тамошних местах цены», хлеба и денег, и как идет духовное исправление⁵⁸.

В зависимости от тяжести содеянного преступник мог обречься на неисходное пребывание в обители «под крепким смотрением, в кандалах и в особом уединении»⁵⁹, а мог проживать вместе с братией и искупать свою вину в трудах и аскезе. Такие осужденные рубили

дрова, возили воду, выгребали золу из печей, стирали белье, пасли скот и делали прочую так называемую «черную монастырскую работу». Наиболее изматывающими считались «поваренные хлебопечные труды», разделка теста, «мукосеяние», которые исполнялись иногда в «жезлах», требовали постоянного физического напряжения и длились до 20 час. в сутки ⁶⁰.

Примечательно, что подобное содержание осужденных мирян, совершивших уголовные преступления, преобладало во время правления Елизаветы, когда в приговорах к ссылке в святую обитель о «наказании покаянием» вообще, как правило, не упоминалось ⁶¹. Разумеется, арестанты обязаны были посещать вечерние песнопения, но в целом кара за «смертные злодеяния» в монастыре более походила на каторгу или тюрьму, под которую и приспособлялись обители. Внутренний иноческий потенциал православных монастырей оставался нереализованным, наказание касалось, прежде всего, умерщвления плоти, а не возрождения духа, и быстро заканчивалось могильной ямой без креста и плиты с именем ⁶².

Во время правления Екатерины монастырское покаяние предполагало не только тяжкую работу и аскезу, но и целый ряд религиозных практик, направленных на то, чтобы осужденный «преступление свое восчувствовал сердечно и совершенно исправился». Приговоры, инструкции по содержанию колодников, а также рапорты настоятелей обнаруживают, что во второй половине XVIII в. основой покаянной дисциплины являлись земные поклоны от 30 до 500 во время каждой утрени, вечерни и на литургиях с произнесением «возбуждающей к страху Божьему» молитвы «Боже, буди милостив ко мне, грешному», а также чтение псалмов, «не спешно, но с благоговением» ⁶³. В случае использования монастыря исключительно в качестве тюрьмы приказывалось осужденных колодников «никуда кроме церкви не выпускать». Если же в обитель доставлялись арестанты, приговоренные к полной изоляции, то к ним в казематы мог входить только настоятель и духовник для исповеди. Для увещания и наставничества выбирался «старец добрый и крепкожительный», которому и предстояло добиться раскаяния и очищения совести преступника ⁶⁴.

Епархиальные архиереи должны были для принятия верного решения иметь все сведения об осужденном и обстоятельствах дела, чтобы наложенное покаяние привело в итоге к «духовному врачеванию» преступника. Однако нередко служителям церкви и в монастырях, и в приходах не хватало гибкости и тонкого «восчувствования», которое можно было бы ожидать от духовных лиц. Светским властям приходилось регулярно напоминать о необходимости проявлять «осторожность» с кающимися преступниками, причем некоторые распоряжения обнаруживали более глубокое, чем у приходских и монастырских наставников, понимание человеческой природы. Так в указе «о подтверждении священникам, чтобы они, при наложении епитимьи преступникам поступали осмотрительнее», было выделено несколько психологических типов находящихся на покаянии. Одни «жестокосердны» и не способны ни к какому раскаянию, другие — внутренне холодны и равнодушны, третьи — склонны к отчаянию, но есть и такие, которые «при признании приносят о грехах сокрушение». Наблюдающим в монастырях за колодниками и духовникам в

приходских церквях, контролирующим исполнение епитимьи, полагалось «размерять милость» и, видя искренние чувства преступника, сокращать сроки церковного наказания.

Церковники обязаны были контролировать, чтобы колодники исповедовались, по крайней мере, один раз в год и не уклонялись от молитвы во время трех главных постов, праздников и воскресных дней. При этом духовным лицам полагалось не только заботиться об «умилении и сердечном сокрушении» преступников, но и выступать в роли статистиков, направляющих в экспедицию Сената ведомости о числе раскаявшихся колодников, а также о месте и дате их последней исповеди до совершения злодеяния и ареста ⁶⁵.

Проблема смертной казни и наказаний за убийство в любом обществе выходит за рамки вопросов юриспруденции и наполняется мировоззренческим, философским и даже экзистенциальным смыслом. Для России XVIII в. данная тема скрывает в себе большой исследовательский потенциал и затрагивает очень глубокие пласты истории русского и даже древнерусского права, общественного сознания, религиозного чувства, отношений «священства» и «царства» ⁶⁶. Так, в эпоху Просвещения, регулярности и секуляризации обнаруживаются проросшие сквозь толщу столетий традиции церковного законодательства и религиозного мышления.

Набожность могла полностью определять мотивацию личности в критические моменты жизни, а если этой личностью оказывалась правительница самодержавной империи, то кардинальным образом изменять содержание государственной политики. При Елизавете Петровне христианские ценности непосредственно, без какого-либо духовного наставничества православных иерархов, повлияли на решение светской власти о недопустимости смертной экзекуции. Движимая, прежде всего, собственным пониманием христианского учения, императрица ввела негласный мораторий на смертную казнь.

Очевидно, что великая княгиня Екатерина Алексеевна в ночь перед дворцовым переворотом ни русскому, ни немецкому Богу не молилась, никому перед иконой и распятием обетов не давала, а «молитвенником всех государей» ⁶⁷ почитала не Новый Завет, а трактат «О духе законов» простого смертного француза Монтескье. Поэтому бескомпромиссно противостоять смертной казни она не собиралась, но и злоупотреблять пытками и экзекуциями с просветительской рациональностью считала нецелесообразным.

С другой стороны, авторитет закона Божьего и институт церкви по-прежнему оставались важными элементами социального контроля со стороны государства, хотя сфера действия религиозного права стремительно сокращалась. Наказание покаянием мирянам за преступления, не направленные против веры и нравственности в сфере семейных отношений, выносились без участия клира, а сами священнослужители допускались лишь до весьма обременительного для них обеспечения исполнения приговоров. Настоятели монастырей обязаны были действовать, прежде всего, в соответствии с грамотами «светских команд», которые находились при доставляемом в обитель арестанте и предписывали порядок его содержания.

Явно наметившаяся в годы правления Екатерины тенденция к использованию государством религиозных практик для нравственно-

го исправления преступников проявилась в «разумном отношении» к правилам Вселенских соборов и новом взгляде на лишения причастия. Оказалось, что запрет приобщения святых тайн признан был недействительным ввиду общего ослабления силы религиозного чувства прихожан синодальной церкви, с одной стороны, и немало числа тайных раскольников, с другой: лишение причастия святых тайн «древле была во врачество, яко показующая грехов мерзость; ныне же не токмо не страшна многим, но и желаемая ленивым стала, тайным же раскольникам и весьма любима»⁶⁸. Как справедливо писала И. Мадариага: «В религии [Екатерина] видела ценный фактор сохранения порядка в обществе и поддержания общественной и личной нравственности»⁶⁹.

Несмотря на то, что в самодержавной России, как водится, каждый правитель открывает новую эпоху, привлеченный к работе материал позволяет проследить некоторые общие тенденции социо-культурной и политической эволюции общества и власти. На протяжении XVIII в. происходила постепенная смена набора главных добродетелей монарха: от жесткого воспитания в подданных «потомственного страха», о котором во время подавления башкирского восстания писал генерал-лейтенант князь Василий Урусов⁷⁰, до милосердия к осужденным. В отличие от Петра I и Елизавета, и Екатерина так или иначе пытались дистанцироваться от принятия решений о смертной казни и уж тем более от эшафота и самой экзекуции. Претерпевали изменение и каналы воздействия власти на сознание общества, в частности, такой важнейший механизм социального контроля, как официальный политический язык. Общий контекст употребления понятия «смертная казнь» трансформировался от лаконичных указов о заслуженном наказании осужденного через сдержанное забвение периода негласного моратория к развернутой аргументации, подкрепленной авторитетом Священного писания, или же к прославлению милосердия императрицы в торжественных манифестах об амнистии и помиловании.

На первый взгляд может показаться парадоксальным тот факт, что во время просвещенного правления Екатерины II процесс секуляризации совпадал со все более активным использованием церковных практик для наказания мирян за тяжкие уголовные деяния по решению светского суда. Многозначность термина «покаяние», так или иначе отождествляемого и с исповедью, и с епитимьей, становилась в данный период особенно заметной. Действуя в «улыбательном» духе, как это было присуще императрице, власть практически через голову духовенства начала использовать силу воздействия религиозного учения для улучшения нравов подданных. Узурпация права на суд Божий опять-таки определялась родовыми особенностями русской государственности. С одной стороны, процесс сакрализации власти не мог не влиять на самосознание любого монарха. С другой стороны, воля государя, помазанника Божьего, сама по себе воспринималась как непреложная. Но важнейшим назидательным примером императрицы в данном случае стал опыт воспитания нравственности на основе вечных истин Священного писания без клерикализации общества.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-ое. СПб. 1830. (ПСЗ), т. I, № 1, гл. XX, ст. 80, с. 130, 29.I.1649; № 412, с. 699, 17.VI.1667; т. III, № 1612, с. 418, 422, 26.XII.1697.
2. Там же, т. I, № 1, гл. XIV, ст. 10, с. 72—73, 29.I.1649.
3. Там же, гл. XX, ст. 67, с. 128, 29.I.1649.
4. Там же, т. III, № 1612, с. 416—417, 26.XI.1697.
5. Там же, т. I, № 431, ст. 89, с. 794, 22.I.1669.
6. Там же, т. III, № 1612, с. 417, 26.XII.1697; ЛАВРОВ А.С. Колдовство и религия в России: 1700—1740 гг. М. 2000, с. 158—159 и др.
7. ПСЗ, т. I, № 503, с. 862—867, 15.I.1671. Особое Божье знамение и милосердие иерархии увидели в том факте, что «вор и злодей» был проклят 12 марта 1671 г., а 14 апреля схвачен на Дону и закован в железо.
8. «Желание светской власти, — пишет Е.Б. Смилянская, — с одной стороны, подчинить “духовные дела” церковной юрисдикции, а с другой — оставить поле для “законного” вмешательства светских инстанций, не позволило на протяжении всего XVIII в. создать и единого органа, ведающего пресечением “беспорядков” в сфере православной религиозности имперских подданных». СМИЛЯНСКАЯ Е.Б. «Суеверия» и народная религиозность в России Века Просвещения. — Canadian-American Slavic Studies. 2004, vol. 38. Spring-Summer, p. 51. См. также: ЛАВРОВ А.С. Ук. соч., с. 347—393.
9. ПСЗ, т. VI, № 3963, с. 650—652, 12.VI.1722.
10. «Когда кто велит для своего интереса или суетной ради славы огласить священником какое чудо притворно и хитро через кликуш..., [тому] наказание и вечную ссылку на галеры с вырезанием ноздрей». ПСЗ, т. VI, № 3963, с. 652, 12.IV.1722.
11. ПСЗ, т. VI, № 3963, с. 650—652, 12.IV.1722.
12. См.: письмо Петра I в Сенат. 1717, апрель. Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 11. 1873, с. 348.
13. ПСЗ, т. V, № 3006, с. 320—321, 379, и др., 10.I.1716. Петровское законодательство проявляет здесь удивительный рецидив «средневекового сознания» — за чародейство можно было и угодить на костер, «если имел обязательства с дьяволом», и отделаться заключением в железо и покаянием, если какие-либо контакты с врагом человеческим отсутствовали. RYAN W.F. The Witchcraft Hysteria in Early Modern Europe: Was Russia an Exception? — The Slavonic and East European Review. 1998, vol. 76, № 1, January, p. 64—65.
14. ПСЗ, т. V, № 3006, с. 322, 366—368, 373, 379 и др., 10.I.1716. Многие положения «Воинского устава» почти дословно были подтверждены в статьях Морского устава. ПСЗ, т. VI, № 3485, с. 49—50, 78 и др., 13.I.1720.
15. Там же, т. V, № 3006, с. 322, 10.I.1716.
16. Подобное перераспределение полномочий можно связать не только с усилением императорской власти и ее сакрализацией, но и с предшествующим периодом в истории русской православной церкви. Как пишет Е.В. Белякова, «отмена Собором 1666—1667 гг. постановлений Стоглава сделала очевидным кризис русского церковного права; дальнейшее его развитие... было во многом обусловлено борьбой с расколом, одним из последствий которой явилось уничтожение покаянной дисциплины. БЕЛЯКОВА Е.В. Судьба сборников церковных канонов на Руси.— Исторический вестник. М.-Воронеж. 2000, № 1 (5), с. 33—39.
17. ПСЗ, т. IX, № 6534, с. 254—256, 17.I.1734.
18. По всей видимости, стоит признать правоту публициста XVIII столетия князя Михаила Щербатова, который, описывая события дворцового переворота 1741 г., упомянул о молитве императрицы и клятве не лишать ни одного подданного жизни: «Она при шествии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствование свое повелением ее никто смертной казни предан не будет». «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М. 1984, с. 55.
19. Так в 1746 г. из Ревельской губернской канцелярии поступила просьба не уничтожать «древние справедливости» местных ландратов и сохранить привилегию лишать жизни колодников безо всякой высочайшей конфирмации ввиду увеличи-

- вающегося числа «злодеев», прокормить которых становилось все труднее. ПСЗ, т. XII, № 9312, с. 583—584, 5.VIII.1746. См. также: АНИСИМОВ Е.В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб. 2004, с. 256.
20. Сенаторы попытались урезонить монархиню и выдвинули несколько аргументов против моратория. Во-первых, они полагали, что число оставленных в живых воров, разбойников, убийц и фальшивомонетчиков будет неуклонно расти. Во-вторых, подданные, увидев безнаказанность, будут склонны к злодействам, а войска — к непослушанию. Наконец, по мнению сенаторов, пагубное милосердие шло вразрез с традицией русского законодательства и особенно со строгими государственными установлениями «родителя» царствующей государыни, «блаженного и вечно достойного памяти Петра Великого», который «смертные вины» карал жестокими казнями. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 248, оп. 113, д. 919, л. 1—4, 5об., 10—10об.; д. 1023, л. 14—16об.; Сенатский архив. Т. 5. СПб. 1892, с. 651; Т. 6. СПб. 1893, с. 62, 642.
  21. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева, с. 55.
  22. ПСЗ, т. XII, № 8944, с. 114, 7.V.1744.
  23. Характерно, что Мишель Фуко, основывающий свою знаменитую книгу исключительно на западноевропейском материале, большое внимание уделяет постепенному исчезновению публичных казней с применением пыток и отказу от «театрализации страдания» к 30-м гг. XIX века. В этом контексте исключительный политический опыт России XVIII столетия мог бы весьма обогатить выводы французского ученого об эволюции отношения власти к «пытаемому телу», «манипулируемой душе» и «муштруемому телу». ФУКО М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М. 2015, с. 42—86 и др. Об отношении толпы к смертной казни см.: АНИСИМОВ Е.В. Народ эшафота. — Journal of Slavic Research Center. Hokkaido University. 1997, с. 52—70.
  24. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб. 1907, с. 62.
  25. В соответствие с «Жалованной грамотой» 1785 г., кнут и плеть не могли «коснуться благородного». ПСЗ, т. XXII, № 16 187, с. 347, 21.IV.1785.
  26. См., например: РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5110, л. 712—716.
  27. Оставивший воспоминания об этих годах писатель XVIII в. А.Т. Болотов стал свидетелем того, что «бесчисленное множество корыстолюбивых дворян» не упустили такого шанса: «Повсюду началось воздвигание огромных винных заводов». Последствия повсеместной дешевой продажи вина имели «плачевное влияние на нравственное состояние народа, особливо деревенских жителей», — констатировал мемуарист. БОЛОТОВ А.Т. Современник или записки для потомства. СПб. 1891, с. 21, 30—31. См. также: указ «о позволении помещикам курить вино как для домашнего расхода, так и для поставки в подряды». ПСЗ, т. XIII, № 9813, с. 367—368, 30.X.1750; устав о вине: правило винокурения частных заводов. ПСЗ, т. XXI, № 15 231, с. 258, 17.XI.1781 и др.; а также: МИЛОВ Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 2006, с. 346—348.
  28. ПСЗ, т. XIV, № 10 306, с. 235—236, 30.IX.1754. Разумеется, в русском языке второй половины XVIII в. смысл слова «вор» был намного шире, чем определение группы господ, которые присваивают себе во время званого обеда столовое серебро или играют меченой колодой карт.
  29. См., например: РГАДА, ф. 10, оп. 3, д. 4, л. 50об.—51; д. 5, л. 51об.; ф. 248, оп. 61, д. 5110, л. 431; д. 5159, л.199—199об.; ПСЗ, т. XX, № 15 032, с. 958—961, 9.VII.1780 и др.
  30. В данном контексте не рассматриваются преступления клира, а также светских людей против интересов веры и церкви.
  31. Об уникальном факте публичного покаяния в России XVIII в. см.: CHRISIDIS N.A. Crying Their Hearts Out: A Case of Public Penance in the Era of Catherine the Great. In: Religion and Identity in Russia and the Soviet Union. Bloomington, Jn. 2011, p. 107—125.
  32. См., например: РГАДА, ф. 10, оп. 3, д. 1—10. В ходе работы был проведен сплошной просмотр выявленных в архивных фондах резолюций Екатерины на докладах Сената. Из нескольких тысяч резолюций или так называемых конфирмаций было выделено более 500 высочайших решений, касающихся тяжких уголовных преступлений преимущественно представителей дворянского сосло-

- вия. Большинство экстрактов следственных дел по этим преступлениям было также привлечено к исследованию. Резолюции императрицы, приходящиеся на вторую половину ее правления, после восстания Пугачёва и начала осуществления губернской реформы (1776—1795 гг.), представляют собой компактное собрание, находящееся в Фонде 10 «Кабинет Екатерины II». Резолюции на докладах Сената, относящихся к периоду 1762—1775 гг., рассредоточены в материалах Фонда 248 «Сенат и его учреждения». См., например: РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5074, 5110, 5119, 5138, 5159; оп. 62, д. 5172, 5278, 5303; оп. 113, д. 374, и т.д.
33. РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 14, 1762, д. 169, л. 1—9.
  34. См., например: РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5074, 5110, 5119, 5138, 5159; оп. 62, д. 5172, 5278, 5303; оп. 113, д. 374 и т.д.
  35. В данном контексте любопытно наблюдение Клайса Шарфа о подспудном сохранении в сознании императрицы лютеранской традиции покаяния и искупления, которое иногда проявлялось на уровне речевых оборотов в полемических текстах. ШАРФ К. Екатерина II, Германия и немцы. М. 2015, с.100.
  36. В обстоятельной обобщающей работе Джона Ледонна есть отдельный параграф «Punishments», в котором автор пишет о традиционном влиянии на русскую судебную систему предписаний православной морали LEDONNE J.P. *Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762—1796*. Princeton, NJ. 1984, p.184—201. Однако остается вопрос, почему именно во второй половине XVIII в., в условиях сужения сферы юрисдикции церкви государство активизирует использование церковных практик для наказания мирян.
  37. См., например: РГАДА, ф. 10, оп. 3, д. 3, л. 17, 18, 25, 37об. и др.; ф. 248, оп. 62, кн. 5269—5439, л. 79—80, 137 и др.
  38. «А [если] с пытки убийца станет говорить, что убил в драке или пьяным делом..., сажати в тюрьму до государева указа, а смертию не казнить». ПСЗ, т. I, № 1, с. 148, 29.I.1649; № 431, с. 792—793, 22.I.1669.
  39. ПСЗ, т. V, № 3006, с. 333, 30.III.1716; т. VI, № 3485, с. 65, 13.I.1720.
  40. РГАДА, ф. 248, оп. 62, д. 5278, л. 429—434.
  41. Там же, ф. 10, оп. 3, д. 5, л. 55об.—57; д. 6, л. 41об.—42, 46, 51; д. 7, л. 37об.—38; д. 8, л. 78 и др.
  42. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 23—24. М. 1965, с. 126—127. Кн. XV. Т. 29. М. 1966, с. 113—116.
  43. ПСЗ, т. XX, № 15 032, с. 958—961, 9.VI.1780; РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5195, л. 75—91об. и др. Разумеется, в поликонфессиональной России понятие «суд Божий» являлось обобщенным символом, выступало в роли высшей нравственной инстанции и предполагало за целый ряд злодеяний жестокое порицание и по Евангелие, и по Корану. Так, в 1781 г. малолетнему сыну ясашного тяглеца Кинцыбаю за неумышленное убийство семилетней Ниямбиги полагались розги и «вразумление через абыза, сколь велико содеянное им злодеяние». РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5159, л. 12—12об., 310—310об.
  44. Правда, возможности раскрытия подобных преступлений были ограничены, и главным источником, по всей видимости, оставались доносы самих крепостных, на которые им было небезопасно решиться.
  45. ГОГОЛЬ Н.В. Шинель. М. 1948, с. 481.
  46. ПСЗ, т. XV, № 11 450, с. 923, 25.II.1762.
  47. «Каждый хозяин, — резонно полагала императрица, — обладающий здравым смыслом, старается обходиться со своей короной бережно». Цит. по: ДИДРО Д. Собр. соч. Т. X. М. 1947, с. 363.
  48. Материалы следственных дел показывают, что крестьяне довольно часто доносили на убийц-помещиков. В данных обстоятельствах указ 1767 г., по которому людям, отважившимся подавать челобитные на своих господ, грозило наказание кнутом или ссылкой на Нерчинские рудники, терял свою юридическую силу. ПСЗ, т. XVIII, № 12 966, с. 336, 22.VIII.1767.
  49. РГАДА, ф. 248, оп. 62, д. 5278, л. 626—643об.
  50. Там же, оп. 61, д. 5195, л. 292—293.
  51. ПСЗ, т. XX, № 15 032, 9.VII.1780 и др.
  52. О положении приходского духовенства в иерархической структуре православной церкви, так или иначе включенной в бюрократический аппарат империи, см.:

- FREEZ L. *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge. 1977, p. 13—45.
53. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. I. СПб. 1910, № 327, с. 379, 6.XI.1766.
  54. Может быть, именно поэтому правительство безболезненно сделало широкий жест и постановило, что монастыри не обязаны принимать колодников, не осужденных на церковное покаяние. РГАДА, ф.1183, оп. 1, ч. 20, 1774 г., д. 537, л. 3.
  55. Там же, л. 2—3; ПСЗ, т. XIX, № 13 500, с. 119, 23.VIII.1770; т. XX, № 14 597, с. 512, 11.III.1777 и др.
  56. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи, т. I, № 71, с. 61—63, 15.XI.1762.
  57. РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 17, 1770 г., д. 223, л. 5—5об.; ПСЗ, т. XVI, № 12 060, с. 565, 26.II.1764; т. XIX, № 13 508, с. 151, 9.IX.1770. Для сравнения, в 1787 г. князю Д.К. Кантемиру, заключенному пожизненно в Ревельскую крепость за убийство крестьянина, было назначено содержание 50 коп. в день из его собственных средств. РГАДА, ф. 248, оп. 62, д. 5271, л. 497—506об.
  58. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи, т. I, № 71, с. 61—63, 15.XI.1762; ПСЗ, т. XX, № 14 597, с. 512, 11.III.1777.
  59. РГАДА, ф. 1183, оп. 1, ч. 14, 1762 г., д. 136, л. 5.
  60. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. L. Пг. 1914, ч. 1, ст. 80; РОЗАНОВ Н.П. История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721—1821). Ч. 3. Кн. 1. М. 1870, с. 73; КОЛЧИН М.А. Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв. Исторический очерк. В кн. Русская старина. Т. 56. 1887, с. 60—63.
  61. Ср., например, ведомости о содержащихся в Соловецком монастыре колодниках с указанием их преступлений и назначенного наказания за 1742—1786 гг. КОЛЧИН М.А. Ук. соч., с. 591—613.
  62. См., например, описание сада, примыкающего к знаменитому Спасо-Евфимиеву монастырю в Суздале, который в действительности являлся безымянным арестантским кладбищем: ПРУГАВИН А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством (к вопросу о веротерпимости). М. 1905, с. 17.
  63. РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 203, л. 1—1об.; РОЗАНОВ Н.П. Ук. соч., с. 73—74; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, ст. 78.
  64. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, ст. 78; КОЛЧИН М.А. Ук. соч., с. 61.
  65. ПСЗ, т. XVI, № 12 227, с. 889—890, 16.VIII.1764; т. XVII, № 12 312, с. 10—11, 17.I.1765; т. XVIII, № 12 919, с. 153, 21.VI.1767; т. XX, № 14 579, с. 498—499, 11.II.1777; РГАДА, ф. 248, оп. 61, д. 5110, л. 712—712об.; д. 5195, л. 7591об.; л. 348—350об.; ПСЗ, т. XX, № 15 032, с. 958—961, 9.VII.1780 и др.
  66. Эволюция восприятия юридических норм в русском обществе детально рассмотрена в работах В.М. Живова. Тезисно концепция автора сводится к следующему: с момента принятия христианства в России существуют два права — церковнославянское, базирующееся на переводных византийских источниках, и русское, тесно связанное с обычаем и язычеством. С середины XVII в. законодательная деятельность получает культурный статус, теряет сугубо прагматическое значение и становится одним из инструментов культурных преобразований. См., например: ЖИВОВ В.М. История русского права как лингвосомиотическая проблема. В кн.: Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М. 2002, с. 187—305.
  67. Письмо Екатерины II д'Аламберу. 1765. Сб. РИО, 1872, т. 10, с. 29—31.
  68. ПСЗ, т. XX, № 14 996, с. 926—927, 21.III.1780; № 15 029, с. 954—955, 2.VII.1780 и др.
  69. МАДАРИАГА И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М. 2002, с. 801.
  70. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 19—20. М. 1964, с. 608.